

– Вставай, сынок. Уже десятый час доходит. Я пельмени сварила и блинов напекла. Пора завтракать, – заговорила со мной мать, выглядывая из кути. – Выспался? – спросила она, расставляя на столе посуду.

– Да, мам... А где Колька? – задаю встречный вопрос.

– Он помог мне управиться со скотиной, убежал к друзьям на конный двор. Они сегодня «Пионера» запрягают. Все там. Ты-то пойдёшь? – и пристально посмотрела на меня.

– Да! Схожу, гляну.

Сегодня воскресенье – свободный от школьных занятий день, поэтому мне было позволено подольше поваляться в постели, отдохнуть и как следует выспаться.

Наевшись, как говорят, от пуза, поцеловал мать в щёчку и, поблагодарив за сытный завтрак, пошёл на улицу.

В прищур осматриваю округу. Конный двор находится недалеко от нашей избы. Там, возле большого сарая, уткнувшись передками в сугроб и задрав вверх связанные оглобли, словно зенитные орудия в боевой готовности, стояли кошёвки, розвальни, рабочие сани. Поодаль, возле тёткиного огорода, где каждой зимой наметало сугробы, чернело шевелящееся пятно.

В развороченном сугробе, запряжённый в розвальни, завалившись на правый бок, лежал рыжий, трёхлетний жеребёнок, с белой отметиной на груди. За это пятно, похожее на галстук, его и называли Пионером.

Вокруг него, возбуждённые и разгорячённые, сновали мальчишки – ученики шестого класса местной школы, главным среди которых был мой младший брат Колька. Он стоял воз-

ле саней и привязывал к хлысту бича металлическую гайку. Я подошёл, кивнул головой, поздоровался со всей ватагой.

Дед Парфён, местный конюх, старый кавалерист, потерявший на войне ногу, снял рукавицу и протянул мне свою шершавую, с жёлтыми от постоянного курения табака пальцами сухую старческую ладонь.

– Здоров будь, Вовка! Что, на выходной прибыл? – спросил он, глядя на меня глубоко запряганными, под седой щетиной густых бровей, давно выцветшими глазами.

– Да, дядя Парфён. Прибыл. Вот зашёл посмотреть, чем вы тут занимаетесь.

Глухой шлепок бича и возгласы пацанов заставили меня обернуться. Под всеобщее одобрение толпы Колька хлестал бичом лежащую лошадь. При каждом ударе «Пионер», вздрагивая телом, поднимал голову и, посмотрев на обидчика, снова ронял её на снег, не делая никакой попытки подняться. На его коже местами выступила кровь.

– Ты что делаешь? – я подскочил к брату и вырвал из его рук бич.

– А чё? – окрысился тот. – Не видишь, эта скотина подниматься не хочет, – чуть не плакал он.

– Мы с ним не один день так вот бьёмся, – вставил его одноклассник Лёшка. – Только запряжём, он тут же падает. Сколько оглоблей переломал. И чего мы только не делали: и бичами били, и вилами кололи, и из ружья над ним стреляли. Дед Парфён даже из костра дымящуюся головёшку ему под хвост совал, а он всё равно лежит, не встаёт.

– Да вы что, совсем одурели? Если лошадь не реагирует на всё это, значит, у неё с нервной системой что-то... Может, он больной? – кричу на них.

– Никакой он не больной... Просто ленивый и хитрый, – вставил Генка, сын Парфёна.

– Под седлом-то он слушается и хорошо ходит, – заметил дед Парфён. – Я, грешным делом, и сам не знаю, что с ним делать? В войну, бывало, если лошади...

– Да слышал я, – перебиваю деда и, отбросив к сараю тяжёлый пятиколенный бич, подхожу к голове жеребёнка. – Знаю, что вы и горячую картошку под хвосты совали и другое делали с лошадьми. Но ведь то была война, а сейчас-то какая нужда в этом. Иначе надо, тут ласка нужна. Думайте, что делаете-то.

Присев на корточки, начинаю гладить рыжую голову жеребёнка и приговаривать: «Миленький мой "Пионерчик"», тебе больно, вон и слёзки на глазах... Давай я их вытру. А что же ты тут развалился? Вставай, миленький, вставай, хороший мой, а то ведь они тебя забьют...»

Лошадь смотрит на меня своим огромным недоверчивым взглядом.

Пацаны отошли в сторону, сгрудились в кучу и с ухмылкой наблюдают за моими действиями.

Продолжая гладить, уговариваю подняться, тяну жеребёнка за уздечку. Тот послушался меня и, осматриваясь по сторонам, начал подниматься. Сбившаяся на бок упряжь стала помехой...

– Уберите с крупа оглобли, поправьте упряжь, – кричу на пацанов. Те послушно и быстро выполнили мою команду.

Жеребёнок поднялся, отряхиваясь, сдвинул на сторону седёлку.

Постоянно поглаживая и разговаривая с ним ровным тоном, теперь уже сам поправляю упряжь, беру его под уздцы и тяну за собой.

– Пойдём, мой миленький, пойдём со мной, – стараюсь стронуть его с места. Ребяшня, как воробьи на мякину, попадали в розвальни. Колька держал вожжи. Жеребёнок осмотрелся по сторонам и, не увидев за собой толпы, сделал первый шаг.

– Вот молодец! Вот умница! – пятясь задом, тяну его за повод. «Пионер» идёт, но, видимо, ожидая очередного удара кнутом, постоянно оглядывается. Но этого нет. С ним ласково разговаривают и идут рядом, поглаживают по мокрой шее.

Его страх прошёл, и он веселее зашагал, везя розвальни с притихшей пацанвой. Я убыстряю шаг. Лошадь делает тоже самое. Отпускаю повод и, держась за оглоблю, перехожу на бег. "Пионер" тоже бежит! Его подстёгивают вожжей, и он убыстряет бег. Я постепенно отстаю, поравнявшись с санями, прыгаю на сгрудившихся пацанов. Те весело улыбаются и уступают место. Брат отдаёт мне вожжи. Ура!.. Это моя победа!.. Победа не только над лошадьёю, но и над ошеломлённой пацанвой.

Но тут "Пионер" вдруг резко остановился, заозирался по сторонам и, не обнаружив меня, плюхнулся на бок посреди дороги, едва не сломав оглоблю... «Ах ты, бестия! Ах ты, хитрец-мудрец!» Сделав знак пацанам – молчать и сидеть! – вылезая из саней и иду к лошади. Всё начинается сначала: новые уговоры, ласки, подъём на ноги, поправка упряжи, ходьба рядом, бег, прыжок в сани, и так неоднократно. Но с каждым разом жеребёнок пробегает всё больше и больше, вскоре полностью покоряется мне, останавливается и трогается по моей команде.

Вдоволь поездив по начинающей местами подтаивать дороге, подъезжаем к конному двору. Дед Парфён радостно ковылял нам навстречу: «Ай да Вовка! Ай да молодец! Сломал "Пионера"! Да у тебя талант в обращении с лошадьёю! Быть тебе бригадиром, будешь приручать молодых лошадей. Сейчас же иду в правление колхоза и поговорю с председателем, пусть за это назначают зарплату!»

С этого дня я стал пионером-бригадиром, беспрекословным вожакон местньих пацанов, любящих лошадей и приручающих их к верховой и санной езде.